

УДК 340.12

Бурлай Е. В.

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОМ СЕМАНТИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ СЛОВА «ПРАВО»

Мы используем обостренное осмысление слов для
обостренного восприятия явлений.
(Дж.Л.Остин).

Любой бесконечно повторенный аргумент
упрется в семантику.
(Закон Хаца о риторике [1, с. 102]).

Тот, кто профессионально исследует философско-правовую проблематику и касается, в частности, крайне болезненной и спекулятивной проблемы общего правового понимания, т.е. пытается определиться в максимально абстрактном значении понятия «право», рано или поздно задумывается над особенностями используемого при этом словарного аппарата как инструмента фиксации имеющегося либо вновь получаемого знания. При этом осознается или, по крайней мере, ощущается, что факт лингвистический способен очень серьезно предопределить факт понятийно-смысловой (логический). Социальная логика всегда проверяется историей, и здесь отрадно заметить, что логическим умозаключениям, сформулированным ниже, имеется множество исторических подтверждений, хотя общий предмет разговора дискусионен, и ко многому из сказанного можно отнестись критически.

Цель настоящей статьи – еще раз обратить исследовательское внимание на семантико-логическую сторону вопроса об объеме и принципиальных составляющих базового понятия науки о праве – понятия «право». Причин, непосредственно спровоцировавших обращение к этому вопросу – три. Во-первых, как уже упомянуто, – его принципиальная значимость для адекватного познания, логического и социально-практического освоения явления права, составляющего объект исследования правоведения как конкретной автономной науки. Всесторонний, не локализованный во времени и пространстве анализ понятия – предпосылка адекватного понимания явления, осознать же понятие без оформляющего его слова, осмыслить содержание без адекватной ему формы попросту невозможно. Во-вторых, отчетливое осознание того факта, что в слове как средстве оформления смыслового значения, как инструменте терминологии (ограничения значения) чаще всего закодирована (спрессована, предельно сжата) колоссальная информация об истории явления, а значит, – о его сущности, его предназначении, особенной социальной роли, функциях. Причем в данном случае не имеет принципиального значения, в рамках какой языковой системы порождено конкретное слово – коррелят славянского «право». Частью целостной науки о праве обязательно должна быть (кое-где уже давно стала) работа по расшифровке, декодированию значения слов, которые «именуют», символизируют различные аспекты правовой действительности. Речь идет об исследованиях в рамках правовой лингвистики, в какой-то мере

– правовой герменевтики. Хотя названия этих научных направлений достаточно условны, они, тем не менее, внятно обозначают те азимуты, по которым имеет смысл двигаться, чтобы получить свежую доказательную информацию о глобальном объекте (о праве). Наконец, в-третьих. Приходится констатировать, что данное направление научных поисков относительно слабо развито на отечественной почве. Действительно, философы и теоретики права на сегодняшний день чаще всего предпочитают оперировать уже готовыми значениями, выстраивая их различные логические комбинации без предварительного надлежащего выяснения их происхождения, истории, первичного смыслового значения. Формально-лингвистический аспект правовых исследований, в отличие от науки других стран, только начинает разрабатываться. Нельзя, конечно, говорить, что данное поле совсем никак не возделано. Еще во времена Российской империи многие выдающиеся философы и правоведы так или иначе затрагивали вопрос об историческом формировании и формально-логическом значении слова «право» и родственных ему слов (Ю.Гамбаров, Н.Алексеев, Е.Трубецкой, П.Флоренский, Б.Кистяковский, Л.Петражицкий, И.Ильин и другие). В какой-то мере он исследовался и в советский период (Е.Пашуканис, С.Архиппов; в послевоенное время – С.Алексеев, М.Агарков, Ю.Вейнгольд, П.Рабинович, В.Бабаев, А.Черданцев, И.Грязин и др.). Весьма интересные разработки по этому поводу можно встретить и сейчас (В.Корнеев, В.Егоров, религиозные писатели В.Кошуба, М.Черников и др. [2]). В Украине на сегодняшний день также начинают появляться весьма содержательные разработки в этом направлении [3], хотя пока они достаточно редки.

Заметки, помещенные ниже, практически не касаются методологии и методики такого рода исследований, особенностей герменевтического метода либо метода семантического анализа в правоведении. Это – специальные вопросы, достойные отдельного внимания и публикаций. Предложенные здесь рассуждения касаются преимущественно некоторых традиционных философско-правовых аспектов. Но в их основании лежит все то же простое наблюдение: понятие имеет словесную оболочку, внешний носитель; корректное представление о слове уточняет значение понятия, а корректное представление о слове неминуемо достигается путем обращения к его этимологической (происхождение) и семантической (естественно-логический круг значений) характеристике. Именно в этом смысле можно воспринимать далеко не шуточную сентенцию из Законов Мерфи, вынесенную здесь в эпиграф. Хорошо известно, сколько логических дискуссий, обещавших стать плодотворными, заходило в тупик только потому, что об элементарных значениях употребляемых слов спорящие не имели отчетливого представления или хотя бы предварительно о них не договорились.

Слово «право» в русском и иных славянских языках (в группе последних оно примерно подобно по смыслу и произношению) относится к словарному ряду с одним и тем же корнем «прав» («правый», «правда», «праведный», «правильный», «правило», «правомочность», «правоспособность», «править», «управление», «оправдание», «правоверный» и многие другие). Нечто подобное наблюдается и в иных

языках (как древних, так и современных*). Сходные характеристики различных грамматических систем могут указывать на некоторую закономерность, внятно отображенный устойчивый факт социальной реальности. Внушительный ряд слов с единой лексической основой, вероятнее всего, свидетельствует об обозначении им объемного и мощного явления социальной реальности. Особенно красноречиво об этом свидетельствует ситуация в русском языке. Русскоязычное «право» - слово с широким семантическим полем, и, видимо, не случайно исторически сложилось так, что его корень (собственно, это слово и составляющий), дает начало словарному семейству с богатейшим набором смысловых оттенков** . Подчас эти оттенки на-

* В свое время основательный сравнительно-лингвистический анализ слова «право» осуществил советский философ и социолог Ю.Вейнгольд (См.: Вейнгольд Ю. Право как социологическая категория. – Фрунзе, 1962).

** Веер значений многих слов с единым корнем «прав» очень широк; порой значения кажутся далеко отстоящими друг от друга. Так, слова «правый» (противоположный «левому»), «править», «направить», «направление», «управление» (обеспечение движения в требуемую сторону) и им подобные, на первый взгляд, весьма отличны по смыслу от слов «правый» (в значении «правильный», «верный»), «праведный», «бесправный», «правовой», «правомерный», «противоправный», «правомочный» и подобных им. В первом случае речь идет о характеристиках, предполагающих пространственное перемещение либо же определенные изменения в необходимом плане. Во втором речь идет именно о некотором качестве, положении, возможностях, позиции, надлежащем либо ненадлежащем состоянии или действиях субъекта. И все же речь не об омонимах (словах, одинаково звучащих, но не соприкасающихся по смыслу), как это иногда полагается. Вовсе не случайно слова, обозначающие необходимое направление следования, изменения, перемещения (прежде всего, в пространстве), ассоциируемые с правой рукой (как правило, указующей), оказываются созвучными со словами, обозначающими более отвлеченную сферу, связанную с оценками, а потому – всегда противоречивую, конфликтную, сопровождающуюся постоянным логическим «тяжением» и совершенно очевидно воспроизводящую сферу противостояния различных социальных состояний, позиций, притязаний, убеждений. Этимологически древнейший корень «пра» (генетически связываемый, прежде всего, с древнеиндийским, но также и с другими языками) сопрягает позднейшие производные от него слова со значениями «быть значимым», «главным», «настоящим», «первым», «порядочным», «выдающимся» (по силе и изобилию), т.е. значениями, подчеркивающими некоторые позитивные, достойные человеческие качества (См.: В.Корнеев, op.cit.). По иным интерпретациям "прил.*ргавь правъ первоначально значило "вперед направленный", откуда дальнейшие значения: "прямой, ровный" и "истинный, такой как надо" (там же). Из всего сказанного очевидно, что слово «право» (являющееся, кстати, словом более поздним, нежели старорусское «правда») постепенно склонилось к именованию некоторого весьма объемного, сложного социального значения, впитав в себя смысл многих иных слов в ходе достаточно продолжительной практики противоречивого интеллектуального и социального взаимодействия людей и фиксирующей ее практики словоупотребления. В этом плане весьма любопытно присутствие в анализируемом ряду группы слов с некоторым пограничным, промежуточным значением («правка», «справка», «справиться» (спросить), «поправка», «поправить», «поправиться», «заправка», «заправиться», «справиться» (с кем-

столько своеобразны, что позволяют говорить об омонимичности слова «право», которое при этом полагается одним из базовых. И все же, как представляется, это слово не предполагает полностью различных, никак не соприкасающихся между собой значений. Напротив, значение его, в конечном счете, содержательно едино, хотя и сложно в структурном плане. Весь вопрос в том, что есть основное в нем.

Последующие рассуждения никоим образом не претендуют на то, чтобы ответить на сей вопрос однозначно. Более того, они носят в определенном смысле односторонний, «предвзятый» характер. Это рассуждения правоведа, так или иначе отражающие специфику предмета специальной науки и, как будет видно на финише, сформулированные в ее целях. Для осуществления же корректного семантического анализа слова «право» необходимо участие профессионального лингвиста. Тем не менее, далее предпринимается попытка проанализировать это слово на уровне простейшей логики и определиться с его естественным значением, без которого оно утрачивает смысл и основания к употреблению. После этого можно пытаться судить о реальных контурах объема понятия «право» и, соответственно, того явления, которое данное понятие обозначает.

В наиболее частом и привычном употреблении слово «право» указывает, прежде всего, на некоторое свойство, качество, чью-либо определенную субъективную возможность; в таких случаях мы слышим «мое право», «действую по праву», «я вправе», «я прав» и тому подобные выражения. Сопоставимым эквивалентом «праву» выступает слово «правда», более старое по происхождению. Иногда выражением «моя правда» обозначается и обоснованная возможность действовать («действую по правде», «по праву»), и высказывание, претендующее на верность и точность («говорю правду»).

Что же все эти выражения предполагают? Провозглашение «Я вправе» или «Я прав» так или иначе, обозначает некоторую претензию на то, что провозглашающий думает или поступает правильно, верно, обоснованно, что у него есть твердые, непреложные основания для определенных выводов или результативных действий. Одновременно оно обозначает, что эта претензия непременно имеет своего адресата (субъекта, которого она так или иначе затрагивает или может затронуть) и предполагает адекватную реакцию. Иначе – теряется смысл: нелепо заявлять о своем праве или верном суждении самому себе или тому, кому это безразлично.

Простейший дедуктивный анализ показывает, далее, что оказаться «вправе», «правым», «на правильной позиции» и т.д. субъект может в единственно возможной ситуации – когда ему возражают. Действительно, я никогда не окажусь правым, а мое утверждение – правильным, если с ним и так все согласны, у меня никогда не возникнет права (просто за ненадобностью), если мои стремления не встречают сопротивления. Таким образом, для возникновения представления о правности, правильности,

то), «управиться», «расправить» (крылья), «переправа», «расправа», «управа» (которая на кого-то может найтись), «самоуправство» и др.).

праве, правде, правдивости и им подобных необходимо противоречие, конфликт; необходима ситуация, при которой одна сторона вынуждена преодолеть сопротивление (возражения) и что-то доказать другой. Конфликт же, заключающийся в противостоянии утверждающего и возражающего, т.е. тех, кто стремится переубедить друг друга, приводя для этого сообразные аргументы, есть не что иное, как спор*.

Спор в наиболее элементарном логическом понимании есть противостояние значений, а как процедура – это процесс приведения аргументов для подтверждения обоснованности различающихся значений (доказательств). По существу своему спор есть форма борьбы, соревнования, перетягивание «логического» каната**, конфликт смыслов, за которым часто прямо либо опосредованно стоит конфликт социальных позиций. И подобно тому, как перетягивание реального каната требует предельного напряжения сил противоборствующих сторон, так и настоящий спор предполагает фазу ожесточенного (принципиального, порой взаимоисключающего, полярного) противостояния сторонников противоположных значений (позиций). Наиболее естественным завершением этого процесса можно считать приведение одной из сторон аргумента или создание логической цепи, против которых невозможно измыслить других аргументов с сопоставимым доказательным значением. Наступивший в результате приведения подобного *ultima ratio* логический предел и обнаруживает правоту того, кто его привел. Он оказывается правым в споре, его позиция суть позиция правильная. Но оговоримся сразу: «правильная» - с точки зрения наличной и конкретно интерпретированной информации, которая объективно может оказаться и не-

* Спор – интереснейшее явление в социальном и интереснейшая категория в научном плане. Кому-то приводимые здесь рассуждения, претендующие на выяснение элементарного значения сложнейших понятий, могут показаться далеко не элементарными, более того – усложненными: ведь речь об основах дискуссионного мышления, на которое, на первый взгляд, далеко не каждый способен. Но это до тех пор, пока каждый не вспомнит, до какой степени родной, неотъемлемой от повседневного существования любого человека буквально с детского возраста (с момента, когда человек оказывается минимально способным рассуждать) является ситуация спора. Ведь каждый из нас постоянно, непрерывно что-то кому-то доказывает, в чем-то кому-то перечит. Каждый из нас чрезвычайно редко выходит из состояния спора, дискуссии, полемики, доказывания, навязывания кому-то своего мнения (взгляда, позиции) через убеждение. И это совершенно естественно: спор - форма существования субъекта и бытия субъектности. Человек не возражающий – не субъект, человек, естественно либо искусственно лишенный возможности спорить, – не человек, а бессловесная тварь. Быть субъектом, быть полноценным человеком – значит «иметь свою голову на плечах» и спорить. Внешне противостояния в споре могут выглядеть совершенно по-разному, по-разному они и разрешаются. Весьма часто спор между сторонами, руководствующимися различными резонами, теряет основу: стороны не могут или не хотят воспринимать аргументы. Тогда единственный путь доведения спора до логического завершения – включение арбитра. Понятно, что в данном контексте арбитр – это не профессия, а функция, которую может выполнить любой авторитетный для сторон субъект.

** Не отсюда ли старорусские «тягаться», «тяжба»?

достаточной, и некорректно воспринятой. Тогда и финишная позиция, вынужденно считающаяся «правильной», не есть таковая на самом деле. Ни от дефицита доказательной информации, ни от заблуждений в ходе ее интерпретации не застрахован ни субъект спора, защищающий свою позицию на основании добытых им фактических и логических данных, ни арбитр, оперирующий вынужденно ограниченной информацией о положении вещей, задействованной в процессе спора.

Еще один важный момент. В споре не может быть более двух сторон, подобно тому, как канат можно перетягивать лишь в двух направлениях. Логическая формула спора моделируется через союз «или» («либо»). Или «А», или «Б». Если «А», то не «Б». Если «Б», то не «А». При этом презюмируется, что, как минимум, «А» не равно «Б», как максимум «А» противоположно «Б».

Следующее важное обстоятельство. Ситуация спора в практическом плане чаще всего имеет значение тогда, когда она имеет внешнего арбитра, т.е. субъекта сведущего (понимающего суть спора и приводимых аргументов) и авторитетного (выносящего окончательное суждение о балансе аргументов), с которым вольно или невольно считаются те, кто спорит. Помимо контроля корректности спора, фигура арбитра в ситуации спора логична (необходима) потому, что участники спора могут в какой-то момент оказаться не в состоянии осмыслить, уловить значение контраргументов либо попросту отказываются это сделать по той или иной причине. В результате спор повисает в воздухе, превращается в механизм, работающий на холостом ходу, механизм пробуксовывающий, бессмысленный. Ситуация, когда спорящие не в состоянии что-то доказать друг другу, логически наиболее тягостна. Заметим, к тому же, что пока речь идет исключительно о логической стороне спора, состоящей в противостоянии аргументов и тех, кто их приводит. Если же здесь допустить социальную либо антропологическую составляющую (ведь, как правило, спорят между собой не два логических механизма, а два живых человека, способные в противостоянии аргументов подпустить эмоций), т.е. представить себе спор как реальный жизненный процесс, то перспективы его еще более рискованны. Красивейшая логическая вязь может оказаться вмиг обесмысленной каким-либо вне-логическим актом. Подобно тому, как Александр Македонский, не выдержав напряжения в ситуации с узлом Гордия, рассердился и банально разрубил его мечом, один из спорящих может также не выдержать и продемонстрировать кулаки как радикальный (хотя и выпадающий из общей логической цепи) аргумент*. Увы, в жиз-

* Помните ту мастерски смоделированную Н.А.Некрасовым сакраментальную ситуацию, когда шестеро мужичков заспорили о том, «кому живется весело, вольготно на Руси»? Без «вцепления в волоса» не обошлось... Но это еще полбеда. А вот, скажем, тот факт, что лидеры древнескандинавских родов отправлялись в свое время на тинги (места народных собраний, на которых постановлялись законы для соответствующего круга общин и решались возможные споры между ними) в сопровождении боевых дружин и на определенном этапе дискуссии запускали их в дело в качестве *ultima ratio*, в контексте данного разговора куда более интересен.

ни сплошь и рядом бывает так, что взаимные, поначалу мирные и конструктивные попытки людей переубедить друг друга заканчиваются «переходом на личности» и на доступные внелогические аргументы*. Если же присутствует реальный авторитетный арбитр, то подобное завершение спора, вероятнее всего, исключено. Вышедший за рамки доказательной дискуссии субъект автоматически признает свою неправоту и проигрыш спора по существу.

И, наконец, последнее, наиболее важное. Очевидно, что спор имеет значение только тогда, когда существует равновеликая для обеих сторон возможность победы в нем. Предопределенность результата в споре, предопределенность победы одной из сторон на чисто его обесмысливает, делает его ничтожным, нулевым по логическому значению. Предопределенный результат в споре означает отсутствие спора. Иными словами, природа спора такова, что его начинают и ведут между собой субъекты с равной возможностью выигрыша, который определяется исключительно убедительностью приводимых аргументов и логической взаимосвязью последних. Участники спора, иными словами, выступают равными фигурантами – равными в возможностях начать спор, в претензиях на победу и в возможностях его ведения**. Все прочие (социально-антропологические) характеристики субъектов в ситуации спора теряют значение.

Возможно, способ рассуждения, предлагаемый в данном случае, излишне схематичен для анализа явления права и определения смысла данного понятия. Но все же, как представляется, он обращает внимание на моменты, имеющие принципиальное смыслообразующее значение и одновременно – воссоздает реальный исторический процесс правообразования, а также указывает на некоторые социально-антропологические предпосылки существования и функционирования права. Ведь в контексте всего вышесказанного не имеет значения, о каком споре идет речь, - о чисто логическом диспуте или же о социальном споре, наблюдаемом практически в каждом случае правосудного процесса. Социальные противоречия, столкновения интересов, доходящие до крайних форм обострения и инстинктивно организуемые попытки выйти из них, не прибегая исключительно к силе и не разрушая конструктивное взаимодействие, - это, видимо, базовая, первичная и константная социальная

* Характер внелогического «аргумента» зависит от цены спора и характера тех, между кем он ведется. Кто демонстрирует либо пускает в ход кулаки, кто – револьвер, кто - нелицеприятные выражения. Субъекты иных параметров оперируют в спорных ситуациях такими «доказательными средствами», как прекращение поставок важных ресурсов, взвинчивание экспортных пошлин или введение на территорию трудноубеждаемого субъекта ограниченного военного контингента.

** Именно поэтому весьма употребительное в истории философии права выражение «право сильного», обозначающее фактическое преимущество, превосходство одного из спорящих над другим, социальную возможность одного попросту подавить, подмять другого в конфликтной ситуации, поставить его в безвыходное положение, являет собой логический абсурд, нонсенс. Если положение дел в конфликте определяет сила, нет ни малейших оснований упоминать о праве. И наоборот: любое упоминание о чьем-то праве моментально низводит любого сильного до уровня его парт нера по конфликт у, по спору, формально уравнивает их.

предпосылка возникновения и существования явления права. Определение этой предпосылки как «первичной» не означает того, что она содержательно проста. Наоборот, исторически стремление к мирному разрешению социальных конфликтов основывается на предшествующей ему, гораздо более длительной практике выхода из конфликтов именно путем эскалации насилия и бессмысленного разрушения, практике противостояния не на жизнь, а на смерть. Исторические и антропологические исследования показывают, что такая практика сопровождала, в частности, отношения людей и человеческих социумов по поводу жизненно важных ресурсов, которые они стремились контролировать ради собственного выживания и упрочения в этом мире (отношения собственности). Безусловно, в человеческих обществах существуют и иные отношения, способные развернуться в острейший, опасный конфликт, но фактор собственности в данном контексте особо значим.

Очевидно, далее, что активный конфликт интересов, обузданный до его мирной формы, формы спора, есть непосредственная и необходимая предпосылка существования суда как социального института, призванного этот спор разрешить. Логическая посылка такова. В том же конфликте по поводу контроля важного ресурса стороны едва ли во всех случаях способны самостоятельно утихомириться, даже если и пытаются это сделать. Ведь это так мучительно – утратить или упустить благо, ценность (прежде всего, разумеется, – материальную), которая тебе принадлежит или может принадлежать при некотором усилии. Видимо, это в природе собственника – реагировать на малейшее посягательство на контролируемый им ресурс с крайним негодованием, инстинктивным импульсом вернуть утраченное и выместить на посягателе весь естественный гнев. Отсюда – конфликты с единым алгоритмом: на жестокое возмездие обидчику и устранение возможного конкурента на желаемый ресурс. Отсюда – войны между народами и острейшие, жесточайшие имущественные конфликты между людьми*. Но этот алгоритм, хоть он и существовал в истории длительное время и активно практикуется среди собственников и сейчас, нерационален и деструктивен по своей природе. Он сопряжен с бездарным, нефункциональным уничтожением человеческих, материальных и культурных ресурсов, которыми располагают конкретные социумы, не говоря уже о витальных, моральных, психологических и иных потерях отдельных лиц. Именно

* Римские Законы XII таблиц сохраняют остатки архаичной правовой практики, когда должник расплачивался по своим долгам жизнью, отнимаемой с предельной жестокостью (при наличии нескольких кредиторов тело должника рассекалось пропорционально размеру его долга каждому). Наличие подобных законоположений заставляет предполагать, что в более раннюю эпоху кредитор без излишних формальностей лишал жизни должника, неспособного своевременно погасить долг. С точки зрения собственника, это логично: в порядке погашения долга отбирается последнее, чем владеет должник и что он может отдать, – его жизнь. И, видимо, значительным прогрессом в этих отношениях можно считать появление практики, когда у должника, при сохранении жизни физической, отбиралась жизнь только социальная, иными словами – отбиралась способность быть субъектом. Должник оставался жить, но превращался в вещь. Так появился правовой институт долгового рабства.

бессмысленность утрат и неизбежно сопровождающий их рост социального напряжения, социальной опасности толкают людей и общество к отысканию более рационального, более безопасного способа преодоления конфликтов. Здесь должен появиться барьер «критически необходимой безопасности» - и он появляется в виде механизма «социальной амортизации», заключающегося в том, чтобы независимым, внешним вмешательством погасить конфликт, взвесив резоны (юридически выражаясь – претензии) обеих его сторон. У тех, кто отправляет власть в социумах, появляется новая функция, которая развивается сообразно количественному и качественному нарастанию конфликтной социальной практики. Очевидно при этом, что ее выполнение предполагает специфические качества субъекта власти. Здесь необходима не просто сила, способная к слепому сдерживанию. Становятся функционально необходимыми способность к рассуждению, логика, ум, человеческая мудрость плюс глубокое понимание ценностей, которыми живет социум. Становится необходимым, иными словами, авторитетный субъект (в каком бы историческом облике он не представал бы), выполняющий особую властно-рассудительную роль. Такой субъект и появляется в облике судьи, олицетворяющего функциональный социальный институт суда*, особый механизм разумного контроля избыточной, опасной конфликтности. Этот институт переживает длительную историческую эволюцию, дойдя в современных условиях до эффективных высокотехнологичных форм. Но его функциональное назначение практически всегда одно и то же – разрешение спора путем признания правоты одной из сто-

* Данное утверждение, естественно, не означает, что первичные субъекты осуществления рассудительной функции являли собой судей-профессионалов в привычном для нас значении этого слова. Первичными судьями в человеческих социумах были обыкновенные статусные субъекты простой или духовной власти (вождь племени, старейшина рода, религиозный лидер, бигмен и т.п.). Кстати, по логике вещей первичную судебную функцию должен был, чаще всего, выполнять духовный лидер; именно он в ранних социумах выступал носителем отвлеченного знания, интеллектуальных потенциалов, знатоком традиций, основных ценностей, канонов деятельности, одним словом, - качеств, необходимых для адекватного отправления правосудия. Кроме того, он обладал реальной властью и почитался как безусловный авторитет; его решения не могли быть не выполнены. Не удивительно поэтому, что и доступные исторические данные говорят о священнослужителях, жрецах как о первичных юристах (судьях). Профессиональные же судьи появились в человеческой истории в условиях радикально расслоенного общества, в условиях непрерывных, активных имущественных конфликтов, когда практику их разрешения и сдерживания необходимо было поставить на поток. Появление института профессионального суда постепенно привело, в свою очередь, к появлению формализованных сборников, сводов правил, определяющих стандартные формы наиболее конфликтных отношений в обществе, к появлению законов. Это естественно: закон – необходимый рабочий инструмент для судьи в деле определения типологической характеристики конфликта (спора), его квалификации и быстрого вынесения решения. Это элемент развитой правосудной технологии. Изначально он не имел той политической составляющей, которая появилась в более позднее время, особенно с появлением профессионального законодателя.

рон на основании приведенных спорящими аргументов** и прекращение, тем самым, остро, общественно опасного противостояния социальных субъектов.

Из сказанного очевидно, что появление суда – необходимая составляющая в процессе исторического формирования того, что обозначается словом «право». Наличие конфликтной практики и хотя бы первичного опыта ее преодоления через суд означает, что право уже существует и функционирует. Оно означает фактическое присутствие практики правового регулирования, при том, что обозначающий ее соответствующий специальный понятийный аппарат еще не сформирован и появляется лишь при соответствующем уровне абстрактного осмысления конкретной правовой практики на достаточно высоком уровне ее развития.

Наконец, о специфических качествах субъектов судебного спора. Далеко не сразу фиксируется на понятийном уровне, что они - фигуранты с равновеликими, одинаковыми возможностями выиграть. Хотя, с другой стороны, ощущение того, что стороны конфликта перед судом равновесны, должно появиться весьма рано – по той простой причине, что в противном случае ни спор, ни сам суд не имеют смысла, они совершенно ничтожны, логически абсурдны. Если есть суд – должно быть равенство спорящих перед ним, нет такого равенства – нет суда. Это – непреложный закон правосудного процесса независимо от того, закреплен он формально или нет. Судья не должен предполагать между сторонами никакой разницы в плане их формальной возможности победить. Они равны в возможности предоставления доказательств своей правоты. Если в рамках сложного, технологичного правосудного процесса они не способны доказывать свою правоту самостоятельно, это должен сделать профессионал с функцией представления в суде их интереса† (специалист, профессионально представляющий интерес клиента в юридически значимых ситуациях, есть, поэтому, неизбежный, необходимый элемент технологически развитой правовой системы).

** Сказанное можно считать справедливым не только применительно к состязательному, но и к инквизиционному суду, не только к суду «весов», но и суду самостоятельного решения властного арбитра. Самостоятельно решающий арбитр, именно потому, что он «арбитр», тоже вынужден взвешивать все «за» и «против» и делать это по возможности беспристрастно. Только в этом случае его действия можно считать судом, актом «рассуждения», за которым может (но отнюдь не должно) последовать и «осуждение». Установка же на «осуждение» вне ее зависимости от «рассуждения» равнозначна отсутствию суда.

В контексте сказанного не имеет также принципиального значения то, какого рода конфликт (цивильный или криминальный) разрешает суд. В рамках развитого правосудного процесса оба обретают характер спора. Прокурор обвиняет, а адвокат защищает обвиняемого даже тогда, когда факт преступного деяния им субъективно не отрицается и объективно очевиден.

† Более того, стремящаяся к функциональному совершенству судебная система должна достигать того, чтобы привести в реальное равновесное состояние тех спорящих субъектов, которые «по жизни», в силу наличных социальных факторов предстают перед судом очевидно неравновесными. О современной украинской практике в этом плане см., например: Шишкін В. Конституційний принцип рівності у нормах КАС України. – Право України, 2006, № 10.

Предполагается также (такова железная логика правосудного процесса), что арбитр никоим образом не предрасположен к результату спора, дабы последний опять-таки не обрел ничтожного, нулевого значения. Впрочем, равновесность спорящих в суде (равенство в суде и перед судом) свидетельствует об интереснейшей социальной диалектике. Реальное равенство субъектов перед судом предполагает, что эти субъекты в принципе равновелики (равны) в определенных возможностях вести себя по отношению друг к другу. Существует некоторый формальный простор взаимного поведения, не предполагающий ограничений для равновесного (равноправного) общения – иначе они никогда не смогут предъявить друг к другу претензии, инициировать спор и доказать перед судом правоту, правильность, правноту своей позиции, доказать свое право. Суд же, оценивая убедительность аргументов, фиксирует соотношение их взаимных возможностей (прав), степень их деформации и пути восстановления, обнаруживая, тем самым, «правду» и устанавливая справедливое соотношение позиций сторон, оказавшихся в конфликте и в споре.

Как видим, попытка простейшего семантического анализа и выяснения естественно-логического значения слова «право»** приводит к необходимости принимать во внимание достаточно широкий круг «родственных» слов (слов с единым корнем), проливающих свет на различные нюансы одного и того же смыслового значения и, следовательно, на разнообразные аспекты одного и того же явления. Охватывая данный словарный ряд индуктивно, можно придти к естественному результату, к слову-понятию с некоторым предельным в данном контексте значением, которое логически (и, вероятнее всего, исторически) увенчивает и весь упомянутый словарный аппарат, и отраженный в нем предметно-практический познавательный процесс, – к слову-понятию «право»*** .

** Специалист по лингвистике, вероятнее всего, употребил бы в данном случае термин «концепт», который в современном языкознании предполагает нечто большее, чем простую лексическую единицу, и, как представляется, по смыслу близок к логической категории «понятие».

*** В предлагаемом выводе нет ничего принципиально нового. В какой-то мере он воспроизводит позицию великого философа Г.В.Ф. Гегеля, предложившего, как известно, не только великолепные инструменты познания реальности, основанные на раскрытии естественной диалектики любого понятия, но и анализ конкретного понятия «право» в его реальной истории (от первичных актов владения до механизма обеспечения индивидуальной свободы в условиях сложнейшего, противоречивого социума). Его «Философия права» остается непревзойденным шедевром философско-правовой мысли и сейчас. Определенные натяжки, неточности, возможно, ошибки, допущенные им в частности и бывшие предметом разнообразной критики, не умаляют грандиозности метода и предложенного на его основе принципиального видения явления права. Напомним, что в диалектической интерпретации Гегеля понятие «право» саморазвертывается через последовательный ряд субпонятий, включая, ни много, ни мало, понятия субъект (воля), собственность, договор, закон, моральность, нравственность, семья, гражданское общество, государство. Речь, иными словами, идет о моментах последовательного развития права; государство вырисовывается как продукт исторического процесса правового развития общества, его конечный результат. Кое-

Какие выводы можно, в частности, извлечь из сказанного?

1. Явление права предполагает (включает) явление спора. Соответственно определение понятия «право» включает (по меньшей мере, имплицитно предполагает) понятие «спор», а в социологическом плане бытие права невозможно без активной конфликтной практики, многочисленных столкновений субъектов с различными интересами, сопровождающихся попытками преодолеть их, избегая сугубо силового, разрушительного противоборства. Эти попытки и предполагают спор как относительно мирный путь разрешения конфликтов, как механизм, переводящий конфликт кулаков, оружия и т.п. в конфликт аргументов. И, пожалуй, именно к спору как к специфической разновидности конфликта приложимы слова о конфликте как «процессе принятия решений и силе, формирующей порядок: без конфликтов, подлежащих разрешению, у судей не было бы повода работать над принятием решений, и тогда не было бы ни обычаев, ни закона»[4, с. 279] (выделено нами – Б.Е.). Это удивительно точная констатация того, что происходило в истории и происходит сейчас, это признание закономерности, существенно влияющее на привычные представления о возникновении и функционировании права как социального регулятора. Ряд исторических и социальных наук дает достаточно оснований для вычленения следующей логической цепочки: конфликты с предрасположенностью их участников разрешить их мирно (спор); их реальное разрешение через участие арбитра (суда) с конструктивным эффектом; консолидированная практика многочисленных разрешенных и предупрежденных конфликтов, дающая полезный исторический опыт; выведенные из

о-чем здесь можно, конечно, спорить (в частности, об однозначном поглощении правом морали как регулятора особого типа, вообще о гипертрофированном видении значения правового фактора в человеческой истории, об избыточной идеализации института государства и многом другом). И все же в целом мы имеем более-менее реальную картину исторического бытия права, его развития и социальной роли. Мы имеем более-менее завершенную картину научного видения права, хотя ее можно бесконечно долго уточнять в частности.

В свете последнего имеет смысл упомянуть о нынешних, непрекращающихся уже долгое время попытках выяснить взаимоотношения наиболее абстрактных понятий современного юридического правопонимания («право», «правовая реальность», «правовая действительность», «правовая система» и т.п.), в рамках которых понятию «право», чаще всего, приписывается убогое, узко-инструментальное значение (корпус установленных государством, обязательных к исполнению норм или что-то близкое к этому). Логическая ущербность этих стремлений очевидна. Особенно удручают в этом плане многочисленные попытки изобразить право как «составную часть», некоторый частичный «элемент» правовой системы, нередко воспринимаемой, кстати, как винегрет из всевозможных известных правовых понятий. Тогда как в действительности «правовая система» - сугубо производное, вторичное, подчиненное понятие, отражающее лишь один аспект (структурная целостность) видения права, видения реального социально-исторического процесса правовой регуляции в обществе.

последнего, внятно обозначенные стандарты поведения, снижающие возможность конфликтов, связанных с ними потерь и опасностей, а потому необходимые к исполнению (нормы). Нормы, в свою очередь, исторически эволюционируют в плане того, что является носителем информации о них – устное предание, формулировка мудреца или специалиста (того же судьи), наконец, записанный текст. Очерченную цепочку можно считать закономерностью нормальной, естественной исторической эволюции правового регулирования в человеческих социумах. Более того, очевидно, что эта цепочка реализуется и в условиях сегодняшнего дня - при очевидно гипертрофированном видении роли нормативного акта в регуляционном процессе и при всей особенной роли современного законодателя, выступающего, как известно, особой «властью» в государстве*. Соответственно расхожее утверждение о том, что правовое регулирование начинается с целенаправленного создания нормы, что правовая норма есть «первоэлемент» права, что само право есть система норм (да еще и позитивно «установленных»), - нелогично и неисторично, не говоря уже о том, что оно весьма убого с содержательно-смысловой точки зрения.

2. Явление права предполагает (включает) явление суда. Соответственно определение понятия «право» должно включать (по меньшей мере, предполагать) понятие «суд», а в социологическом плане – наличие хотя бы начинающейся рассудительной практики выведения из конфликта сцепившихся в нем (иной раз насмерть) носителей противоположных интересов. Исторических примеров сказанному имеется достаточно, но в данном случае попробуем ограничиться тем, что можно найти в анналах наиболее развитой правовой системы древности. Так, доверимся классическому римскому юристу Ульпиану, утверждавшему, что слово (тер-

* В связи со сказанным обратим внимание на некоторый интересный опыт в мировой практике правового регулирования, который можно условно обозначить как «британский парадокс». Хорошо известно, что ни одно государство не сделало столь много в плане формирования теории и практики разделения государственной власти и утверждения законодательной ветви «первой среди равных» (*primus inter pares*), как Великобритания, родина парламента. Более того, Британия и на сегодняшний день считается государством, где действует безусловный принцип суверенитета парламента, его верховенства. В то же время Британия парадоксальным образом не относит себя к странам с системой «статутного» (законодательного) права (права, создающегося, прежде всего, парламентом, органом, принимающим законы). Британия – страна судебного-прецедентного права, страна, в которой издавна действует максима «закон не гласит, пока он не истолкован судьями»(!), а также, между прочим, принцип «английского судью никто о нем не просит». Иногда складывается впечатление, что ни в одном государстве, торжественно провозгласившем в тексте Конституции принцип разделения государственной власти, не наблюдается столь утонченно разделенной и сбалансированной власти, как в Британии, не имеющей записанной Конституции вообще. Под стать ей и ее «дочерние» системы. Очень сложно определить, например, кто более «суверенен» в Соединенных Штатах Америки: принимающий законы Конгресс, возглавляющий правительство и обладающий редкими возможностями по ведению самостоятельной политики Президент или же толкующий Конституцию (!) и решающий вопросы конституционности и законов Верховный Суд.

мин, наименование понятия) «право» (jus) произошло от «правосудие» (justitia), поскольку по существу своему право предполагает умение достигать доброго и справедливого (ars boni et aequi) [5, с. 157], а именно для этого и задуман суд. Примем во внимание и указание классического юриста Павла о том, что в «определенном смысле «право» (jus) означает место, в котором выносятся решения» [5, с. 159]. Это более чем логично, ибо справедливое судебное решение есть жизневоплощение права. Примем во внимание и то, что у старинных народов место проведения народных собраний, на которых постановлялись законы (форум в Древнем Риме, Агора в Афинах, тинги у древних скандинавов, веча у древних славян и т.п.), есть одновременно места отправления правосудия [5, с. 160]. Примем во внимание и тот исторический факт, что древнейшим источником права в объективном смысле этого слова (исторически ему может предшествовать только правообразующий договор) выступает судебный прецедент, авторитетное решение по конкретному делу, могущее служить образцом для определенного типа случаев. Примем, наконец, во внимание всю историческую информацию, доказывающую происхождение правового регулирования именно из практики конфликтов, споров и налаживания механизмов их разрешения. На основе практики разрешения правовых конфликтов в относительно автономном, локальном территориальном социуме (судебной практики) появляется, в конечном счете, позитивно сформулированный закон и в определенной мере - адекватное ему государство.

3. Явление права предполагает (включает) явление равновесности, формальной сопоставимости, равных возможностей субъектов. Соответственно, определение права должно включать (по меньшей мере, логически предполагать) понятия субъектности и формального равенства субъектов, каждый из которых может оказаться в ситуации спора с себе подобным. Социологически это должно предполагать, в частности, сложное, дифференцированное в конечном счете до уровня отдельных семей и человеческих индивидов общество, а также особенные социально-психологические человеческие качества (например, минимальное ощущение себя как ценности). При этом нужно, однако, учитывать, что сложное, дифференцированное общество с автономизацией интересов и развитой индивидуальной субъектностью не сваливается с неба в один прекрасный момент. Его появление – длительный процесс, растянутый в истории на многие столетия, если не тысячелетия. Это означает соответственно долгий и противоречивый период правогенеза в человеческих обществах. Появление высеченного на каменном столбе свода законов древнего государства, с чем иногда ассоциируется появление, начало правового регулирования, демонстрирует, напротив, высочайший уровень правового развития данного общества. Современные антропологические исследования показывают, что во многих социумах, не достигших уровня цивилизованного существования, присутствует, тем не менее, социальная субъектность, присутствуют субъекты, которые взаимодействуют друг с другом с большой вероятностью вхождения в острый конфликт. Хотя бы небольшая практика общественного (поначалу – сугубо эмпирико-практического) признания их сопоставимости при очевидной неодинаковости и расудительного порядка разрешения конфликтов между ними сообщают их отношениям первичные признаки отношений правовых. Колоссальной длины исторический

путь, постепенное количественное и качественное нарастание практики такого рода приводит, в конечном счете, к кристаллизации мощнейших специально-правовых абстракций («право», обязанность, «лицо», «статус», «деликт», «суд», «закон» и пр.). На основании исторического и социального разнообразия конкретных правовых отношений постепенно формируется предельно абстрактное представление о «правовом субъекте», «правосубъектности» и др. Означенные специфически правовые абстракции (в т.ч. и наиболее общая из них - «право») сформировались тысячи лет назад, но благополучно работают и на сегодняшний день, поскольку никуда не исчезли (лишь технологически модифицировались) их реальные социально-исторические предпосылки, их основа.

Из всего сказанного становится понятным, почему необходимой составляющей правовой субъектности (статуса правового субъекта, статуса лица) есть возможность и обязанность «искать и отвечать в суде», а субъективное право есть, в конечном счете, «право на иск». Кстати, откуда «иск»? От «искать». Чего можно «искать» в суде? Единственного: «правды», «справедливости», «права». Ни для чего иного суд не существует. «Спор», «суд» и «право» органически неотъемлемы друг от друга. Поэтому совершенно не случайно генеральное понятие правоправедения («право») поглощает своим значением как индивидуальное свойство субъекта (ощущение, видение, знание им того социального простора, в котором он свободно действует в своих интересах и удовлетворяет актуальные потребности), так и весь объективный социальный механизм поддержки и защиты этого свойства, включающий, в частности, суд (вместе с механизмом выполнения его решений), процедуры, систему специальной помощи заинтересованным субъектам, нормативный комплекс и многое другое.

Литература:

1. Полное собрание законов Мерфи. – Мн.: ООО «Попурри», 2005.
2. Содержательная разработка семантико-этимологических аспектов слова «право» содержится в работе В. Корнеева «Смысл правости» (См.: <http://kovit.narod.ru/pravo.html>). Из других работ современных авторов см.: Егоров С.Н. Аксиоматические основы теории права. – Санкт-Петербург, 2001. - <http://www.statut.spb.ru/axiom/index.html>; Нечаев А.Б. К вопросу о так называемом «естественном праве свободы совести» - http://anthropology.ru/ru/texts/nechaev/secular_15...; Н.Г.Карнакова, Д.Э.Алешко, Е.В.Моргорская. Сугубо провинциальное представление о порядке и праве (Опыт проработки практических категорий). - <http://aleshko.narod.ru/PorjaPravo.htm>; Черников М.В. Концепты правда и истина в русской культуре: проблема корреляции . - <http://znl.boom.ru/bibl/Chern.htm>. Интересные эссе в этом плане демонстрировались на цикле семинаров для учителей общеобразовательных школ «Школа – правовое пространство» (Москва, 2000) (см., например, семинарское занятие «Право в жизни людей» Л.С.Семиной). - <http://school-sector.relarn.ru/prava/school/semina...>.
3. См., например: «Права людини: соціально-антропологічний вимір» (Львів: Видавництво «Світ», 2006. Розділ четвертий :«Права людини та правоназвання крізь призму герменевтико-лінгвістичного підходу». Авторы – Т.И.Дудаш, П.М.Рабинович).
4. Мендра А. Основы социологии. – М.: Изд-во NOTA BENE, 1999.
5. Памятники римского права. Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. – М.: Зерцало, 1997.

Пост упила в редакцию: 13.11.2006 г.